

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'366.512.141

Г.Р. Абдуллина

КАТЕГОРИЯ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена неличным формам глагола башкирского языка. Главным отличительным признаком неличных форм глагола считается неизменяемость их по лицам. В современном башкирском языке к неличным формам глагола относятся имена действия, причастия, инфинитивы и деепричастия, каждой из которых свойственны свои грамматические особенности. Особое внимание уделяется синтаксическим функциям вышеназванных форм. Приводится последовательное сравнение фактов башкирского языка с аналогичными единицами родственных тюркских языков.

Ключевые слова: неличные формы; имена действия; причастия; инфинитив; деепричастие.

Главная особенность неличных форм глагола – это неизменяемость по лицам. По этой причине их и называют неличными, или непредикативными, формами. Согласно лингвистической традиции неличные глаголы также получили название инфинитных форм, а личные – финитных.

Ещё одно различие между личными и неличными формами глагола сводится к тому, что первым из них свойственны чисто глагольные категории, для вторых же, кроме глагольных свойств, характерны и грамматические категории других частей речи. К примеру, причастия башкирского языка, как и глаголы, имеют формы времени; в то же время они, в зависимости от контекста, принимают показатели падежа, принадлежности, множественности, в предложении, как правило, выполняют функцию определения.

В современном башкирском языке к неличным формам глагола относятся имена действия, причастия, инфинитивы и деепричастия.

Имена действия. Занимая промежуточное положение между именем и глаголом, имя действия, с одной стороны, имеет формы падежа, принадлежности, множественности; с другой – обозначает действие или состояние, примыкает к глагольной лексике [1–5].

Имена действия, выражаемые посредством аффиксов *-ыу/-еу*, *-мак/-мәк*, *-ма/-мә*, *-ыш/-еш* (с фонетическими вариантами), встречаются практически во всех тюркских языках. Известно, что формы на *-мак/-мәк*, *-ма/-мә*, *-ыш/-еш* наиболее характерны для узбекского, уйгурского, каракалпакского, киргизского языков; имена действия с аффиксом *-ыу/-еу* чаще употребляются в казахском, кумыкском, ногайском языках [6].

В башкирском языке наибольшей распространённостью отличается форма на *-ыу/-еу*. *Әйтеү анһат та бит, эшләү кыйын шул* (Х. Мохтар) 'Говорить-то легко, делать – трудно'.

Имена действия на *-ыу/-еу* легко сочетаются с послелогом *менән* 'с' передаются значения:

а) ограничительного предшествования другому действию: *Истебай кайтыу менән, казандарзы аса башларһығыз* (Һ. Дәүләтшина) 'Как только вернётся Истебай, начнёте вешать котлы (готовить пищу)';

б) одновременности выполнения двух действий: *Моратов кәңәгәтләнеү менән тамағын кырып куйы* (Н. Мусин) 'Муратов с удовлетворением покашлял';

в) причинной связи между действиями: *Унда барыу менән, берәй нәмә үзгәрер, тип уйлайһыңмы?* (Һ. Дәүләтшина) 'Думаешь, что с твоим приходом что-то изменится?'

Имя действия с послелогом *сәбәплә* 'по причине' выражает причину, с послелогом *буйынса* 'по' – действие, совершаемое в соответствии с чем-либо и т.д.: *Эшкә яуапһыз карау сәбәплә бына нимәгә килеп еттек* (Р. Солтангәрәев) 'Вот до чего дошли безответственным отношением к работе!' *Атайымдың әйтеүе буйынса, әллә ни йыраҡ та түгел, бугай* (Н. Мусин) 'По словам отца, вроде не так уже далеко'.

В башкирском языке имена действия с показателем *-ыу/-еу* в сочетании с послелогом *өсөн* 'для, ради, за, из-за' в основном указывают на цель действия: *Кешеләр борондан ук үзәрәһә тороу, донъя көтөү өсөн йәшәргә уңайлыраҡ урын һайлаған* (Н. Мусин) 'Люди издавна выбирали удобное место для жилья'.

Имя действия с послелогом *тураһында, хакында* 'о, про', как правило, выражает предмет мысли и речи [8]: *Урман һатып алыу тураһында әлегә өндәшмәй тороғоз* (Н. Мусин) 'Пока не говоришь о покупке леса'. *Миненсә, уны әле генә алмаштырыу хакында уйларға кәрәкмәй* (Д. Бүләков) 'По-моему, пока не стоит задумываться о его замене'.

Имена действия на *-ыу/-еу* в сочетании с модальным словом *мөмкин* 'можно' выражают неуверенность говорящего в возможности осуществления определённого действия: *Хөснөлхактың уйламағанда эште бозоуы мөмкин* (З. Бишшева) 'Хуснулхак невзначай может испортить дело'.

Отрицательной формой, наоборот, обозначается твёрдая уверенность говорящего в невозможности осуществления действий: *Өләсәйем һөйләгәндәрҙең бөтәһен дә хәтерләп бөтөү мөмкин түгел* (Д. Бүләков) 'Невозможно запомнить всё то, о чём рассказывала бабушка'.

Сочетанием имени действия и модального слова *бар* 'есть' выражается предположение говорящего с оттенком опасения и предостережения: *Уйламағанда кейек-кошка озрауың бар* (Н. Мусин) 'Нечаянно можешь наткнуться на хищника'.

Материалы башкирского языка показывают, что посредством аффикса *-ма/-мә* в именах действия отрицается наличие действия, выраженного в корневой морфеме: *Берәй кайтып, тыуған яғын күреүҙән өмөт*

өзмәүен белдерзе (Ш. Янбаев) 'Он заявил, что не теряет надежды когда-нибудь увидеть родину'.

В сочетании с модальными словами **кәрәк** 'надо', **тейеш** 'должен', **мөмкин** 'можно', **бар** 'есть', **юк** 'нет' форма на **-ыу/-еу** в предложении выполняет роль сказуемого: *Бында инде бүренең үзенән яман хәйләкәр, йылғыр булыу кәрәк* (Н. Мусин) 'Тут уже надо быть хитрее, проворнее самого волка'. *Унан килеп, атайымдың каршы төшөүе бар* (М. Кәрим) 'Да ещё отец может быть против'. *Йәштәр эшкә кызыу тотондо, туктап та карау юк* (Н. Мусин) 'Молодёжь с жаром принялась за работу, даже не останавливаются'. *Беззәң программа буйынса укыту мөмкин түгел* хезмәт дәрәсән (Р. Солтангәрәев) 'По нашей программе невозможно проводить уроки труда'. *Эшселәрзең һине аңламауы мөмкин* (Н. Мусин) 'Рабочие могут тебя не понять'.

Имена действия на **-мак/-мәк**, считавшиеся наиболее употребительной формой в XVII–XVIII вв., обозначают действие, состояние и целевые характеристики действия и состояния, их целенаправленность [5, 9]. По мнению Б.А. Серебrenникова и Н.З. Гаджиевой, в турецком, азербайджанском, туркменском, гагаузском, узбекском, уйгурском языках слова с аффиксом **-мак/-мәк** изначально были сформированы как инфинитивы [10].

В азербайджанском и турецком языках эта форма не принимает аффиксов множественности и падежа, в то время как в казахском, каракалпакском, киргизском, узбекском и уйгурском языках к именам действия на **-мак/-мәк** свободно присоединяются указанные грамматические аффиксы [11]. В башкирском языке в формах основного, направительного, винительного, исходного и местно-временного падежей они выполняют в предложении роль сказуемого, подлежащего, дополнения, различных видов обстоятельств: *Бала бакмак – йән сыкмак* (Әйтем) 'Воспитание ребёнка равносильно смерти'.

Некоторые глагольные формы на **-мак/-мәк** в современном башкирском языке, а также во многих других тюркских языках субстантивировались: **икмәк** 'хлеб', **коймак** 'блины', **элмәк** 'крючок', **һукмак** 'тропа' и т.д.: *Икмәк – илдән, һый – күлдән* (Әйтем) 'Хлеб – от страны (от народа), угощение – от озера'.

Форма на **-ма/-мә** первоначально, видимо, закрепилась в языке лишь в значении инфинитива. В процессе длительного исторического развития значение этой формы расширилось, она стала более номинативной и стала употребляться и в функции имени действия. Имена действия, образованные посредством аффикса **-ма/-мә**, несмотря на широкую распространённость указанной формы в других тюркских языках, как казахский, киргизский, уйгурский, узбекский, каракалпакский, туркменский, азербайджанский, татарский и т.д., в башкирском языке почти не встречаются.

Имена действия с аффиксом **-ыш/-еш** активно используются в азербайджанском, турецком, туркменском, узбекском, уйгурском языках [12–14]. В башкирском языке указанная форма отличается наибольшей субстантивированностью, изменяется по падежам, может иметь показатели принадлежности и множественности: *Был кыскырыштын якшыға алып килмәүен аңлаһа ла, ул үзен тыя алманы* (Я. Хамматов) 'Хотя он понимал, что этот шум ни к чему хорошему не приведёт, он не смог сдержаться'.

Известно, что некоторые имена действия с данным аффиксом в настоящее время перешли в разряд имён существительных: *Кайһы сакта был күренеш төш һымак күренде* (Я. Хамматов) 'Иногда этот эпизод казался сном'. *Укыуы һуғыш булғас, азактан шулай ослап куйзым* (Н. Мусин) 'Так как учёба прервалась из-за войны, (я) её закончил таким образом'.

В башкирском языке имя действия в формах основного, направительного, винительного, исходного и местно-временного падежей выполняет в предложении функции подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства.

Причастия. Причастия башкирского языка представляют собой неспрягаемую неличную атрибутивную форму глагола, которая обозначает, как и прилагательные, признак предмета, но признак непостоянный, временный, процессуальный и признаки глагола, обозначающие значение процесса.

В отличие от других неспрягаемых форм глагола причастия имеют категорию времени, но выражают его не как спрягаемая форма глагола в конкретной форме, а путём характеристики предмета в связи со временем [15].

Временное значение является одним из главных грамматических признаков причастий, т.к. оно связано с содержанием этих слов: вне времени нет действия и состояния. Если причастия теряют временное значение, то они переходят в другие части речи: существительные (**килсәк** 'будущее', **һатыусы** 'продавец'), прилагательные (**осар коштар** 'перелётные птицы', **эсәр һыу** 'питьевая вода'), наречия (**уйла-мастан** 'неожиданно', **аңғармастан** 'невзначай') и т.д.

Причастия башкирского языка характеризуются тремя временными формами: 1) прошедшей; 2) настоящей и 3) будущей.

Прошедшее время представлено причастной формой на **-ған/-гән**, которая считается в языке самой продуктивной. Причастия прошедшего времени реализуют в основном актуальные значения результативности, законченности, в некоторых случаях – систематической повторяемости: *Ахырза, бер нисә кешелен эйәртеп, озак көтөлгән кунак килеп төштө* (Х. Мохтар) 'Наконец, в сопровождении нескольких людей подъехал долгожданный гость'.

В зависимости от контекста причастия с показателем **-ған/-гән** могут выражать значение настоящего и будущего времён: *Әсәһен рәһнетеп, карғыш алған кеше йәлсәй алмай шул* («Аманат» журналынан) 'Человеку, проклятому матерью, не добраться'.

В случаях субстантивного использования форма на **-ған/-гән** принимает показатели принадлежности, падежа, множественности, при этом передавая значение действия, одновременного с действием сказуемого или предшествующее ему. Указанные категориальные значения как бы роднят обсуждаемую форму с именами действия, тем не менее их отличает временное значение: *Яу яланынан каскандарға аяу юк* (М. Кәрим) 'Нет пощады сбежавшим из поля боя'.

Материал башкирского языка свидетельствует о том, что в формах категории принадлежности и падежа обсуждаемая форма обладает синтаксической полифункциональностью и может выступать в роли подлежащего и дополнения: *Уртаға сыккандары кыззарзы парлап бейергә сакыра* (Ф. Хөсәйенов) 'Вышедшие на середину приглашают девушек на парный танец'.

Причастия настоящего времени имеют две формы:

а) синтетическую форму на *-ыусы/-сусе*. *Ләкин шунан һуң көтөлмәгән хал килеп сыкты: һүз алырға теләүсе кеше табылманы (З. Биишева) 'Но после этого произошло неожиданное: на нашлось желающего выступить';*

б) аналитическую форму на *-а/-ә + торған*. *Урамға сыкканда ғына кейә торған күлдәгенә дә рәте калмаған (И. Физзәтуллин) 'И платье, предназначенное только на выход, тоже износилось'.*

Обеим вышеуказанным формам свойственно аспектуальное значение систематической повторяемости (постоянности), длительности, продолжительности действия.

Причастие будущего времени представлено тремя формами:

а) формой на *-ыр/-ер*, обозначающей значение не-уверенного предположения: *Эшләр эшен эшләп бөтә алмастай, ғүмере кыскалығын белгән кеүек, һәр нәмәгә өлгөрөргә тырышыр ине («Ағизел» журналынан) 'Будто почувствовав, что жизнь его коротка, что не сможет закончить начатые дела, он старался успевать везде';*

б) формой на *-асак/-әсәк*, выражающей модальное значение уверенного предположения: *Буласак козалар һүзгә алсак булып сыктылар (Р. Солтангәрәев) 'Будущие сваты и сватья оказались разговорчивыми';*

в) формой на *-аһы/-әһе* с модальным значением долженствования и необходимости: *Зур төзөлөштә тамамлайһы меңәрләгән объекттар көтә беззе (Ш. Янбаев) 'На большой стройке нас ждут тысячи объектов, которые предстоит завершить'.*

Причастия на *-аһы/-әһе* в сочетании с вспомогательными глаголами *кил-, ине* передают значение желания или стремления совершить какое-либо действие: *Йоклайһы килә, оза-а-ак итеп йоклайһы килә (Ф. Ғалимов) 'Хочется спать, хочется спать до-о-олго'. Их, тизерәк үсеп етәһе ине (М. Кәрим) 'Эх, повзрослеть бы скорее'.*

Нередко указанная форма субстантивируется: *Кайза йығылаһын белһә, алдан һалам түшәп куйыр ине лә... (Н. Мусин) 'Если бы знал, где упадёт – заранее подстелил бы солому...'*

Причастия при себе могут иметь определение, выраженное наречиями: *Бөгөн киләһе кунак бик затлы әзәм булырға окшай (Р. Солтангәрәев) 'Гость, который сегодня должен приехать, похоже, очень знатный человек'.*

Инфинитив (лат. *infinitis* 'бесконечный', *infinitivus* 'неопределённый, не имеющий границы') является полифункциональной и полисемантической лингвистической категорией, занимающей промежуточную позицию между глаголами и именами [1, 2, 4, 9].

Категория инфинитива существенно отличается не только от личных форм глагола, но и от других неличных форм, как имя действия, причастие и деепричастие. Характерной чертой инфинитива является его неизменяемость по лицам, числам, временам и наклонениям; он также не склоняется и не принимает аффиксов принадлежности, множественности.

Инфинитив в башкирском языке образовался по единой структурной модели, характерной всей системе тюркских языков: в этимологическом отношении он представляет собой направительный падеж определённых форм глагола (в частности, причастия, имени действия).

В современном башкирском языке формы инфинитива, наряду с основным значением цели, могут обозначать различные смысловые оттенки в зависимости от способа употребления (независимый и зависимый инфинитив) и от характера лексического значения компонентов, составляющих инфинитивные конструкции: желание, намерение, необходимость, долженствование, побуждение, приказание, возможность, запрещение и т.д.

В башкирском языке, как и во многих других тюркских языках, различается зависимое и независимое употребление форм инфинитива. Независимый инфинитив может управлять любым словом, сочетаемость зависимого инфинитива обуславливается лексико-синтаксическим значением подчиняющего слова.

Самым распространённым из них является зависимый инфинитив: *Колхоз рәйесе йәштәрҙе өмәлә актив катнашырға саҡырҙы (Ш. Янбаев) 'Председатель колхоза призвал молодёжь активно участвовать в субботнике'. Независимый вид инфинитива встречается гораздо реже: Таңға тиклем нисек түҙергә (Р. Солтангәрәев) 'Как бы потерпеть до рассвета?!'*

По своему значению инфинитивные формы в башкирском языке, как и в других тюркских языках, можно подразделить на два вида: 1) формы однозначные, употребляющиеся только в значении инфинитива, так называемые собственно инфинитивы с аффиксами *-ырға, -ыуға, -маға, -макка*; 2) формы многозначные, в определённых синтаксических конструкциях обладающие, кроме инфинитивного, и значениями других неличных глаголов (имени действия, деепричастия, причастия); это формы с аффиксами *-мак, -ыу, -ма/-мә*.

Как отмечает проф. К.Г. Ишбаев, форма инфинитива на *-ырға* характерна для большинства тюркских языков: башкирского, татарского, алтайского, сибирско-татарского, карачаево-балкарского, тувинского, хакасского, шорского и т.д. [9]: *Ул анлай Искәндәрҙең хәлен, егетте йыуатырға теләй (Р. Камал) 'Она понимает состояние Искандера, хочет утешить парня'.*

Данная форма инфинитива имеет положительный и отрицательный аспекты. Отрицательная форма образуется с помощью аффикса *-маска/-мәскә. әйт-мәскә 'не говорить', кил-мәскә 'не приходиться': Башкорт һалдаттарын һәм командирҙарын коралһыҙландырмаска һәм атмаска (Р. Солтангәрәев) 'Не разоруживать башкирских солдат и командиров, не расстреливать!'*

Аналитические конструкции типа *-ырға була* указывают на возможность/невозможность совершения действия при наличии/отсутствии соответствующих условий: *Хәзер ауыл ерендә лә гөрләтеп донъя көтөргә була, – тип ихлас йылмая әңгәмәсем («Йәшлек» гәзитенән) '– Нынче и в сельской местности можно жить припеваючи, – искренне улыбается мой собеседник'.*

Сочетание инфинитивной формы на *-ырға* и модального слова *ярамай 'нельзя'* выражает невозможность осуществления действия или непозволительность, запрет: *Ә кешене теләктән дә, өмөттән дә мәхрүм итергә ярамай (З. Биишева) 'А человека нельзя лишать желания и надежды'.*

Использование инфинитива на *-ырға* с модальным словом *кәрәк 'надо'* передаёт необходимость соверше-

ния того или иного действия или состояния: *Миңә бит сынығырға кәрәк, әсәй (М. Кәрим) 'Мне же надо за- каляться, мама'.*

Сочетанием инфинитива и модального слова *тейеш* 'должен' выражается обязательность осуществления действия или состояния: *Алыш тик еңеү менән та- мамланырға тейеш (Д. Бүләков) 'Битва должна за- кончиться только победой'.*

Использование модального слова *мөмкин* 'можно' указывает на возможность совершения действия, выраженного инфинитивом с показателем *-ырға*: *Кыс- каһы, уға ышанырға мөмкин (Д. Бүләков) 'Короче, ему можно доверять'.*

Аналитические конструкции типа *-ырға булды* обозначают намерение совершить то или иное дейст- вие: *Кәңәш-тәңәш иткәс, аһакалдар коро йыйырға булдылар (Ә. Хәким) 'Посоветовавшись, решили со- звать собрание аксакалов'.*

Инфинитив на *-ырға/-ергә* в сочетании с вспомога- тельным глаголом *яз-* выражает желание-мечтание: *Ейәндәрәндең туйында бейеп йөрөргә язһын үзең (М. Кәрим) 'Чтоб плясать тебе на свадьбах внуков!'*

Глагольная форма на *-ыуға*, как правило, в башкир- ском языке не может функционировать самостоятельно, она употребляется только в сочетании с определённым кругом слов (имён существительных, прилага- тельных, местоимений, модальных слов и глаголов): *Ихласлап балык кармаклауға тотонап китте (Ш. Янбаев) 'Увлечённо начал удить рыбу'.*

Здесь хочется отметить, что некоторые исследова- тели глагольную форму на *-ыуға*, как и формы на *-макка* и *-маға*, рассматривают в системе имени дейст- вия, хотя она давно потеряла свои именные признаки; в башкирском языке указанные формы употребляются лишь в значении инфинитива.

Инфинитивы *-маға*, *-макка* отличаются тем, что выражают действие в его динамике. Обладают, кроме целевого значения, оттенками намерения и желания: *– Ярар, Сәрбиямал, ашыктырма, мин яйлап ултыр- маға килдем, – тине Карасәс әбей (З. Биишева) '– Ладно, Сарбиямал, не торопи, я намереваюсь си- деть долго, – сказала старуха Карасәс'.*

Глагольная форма на *-маға* представлена в азербай- джанском, туркменском, турецком, кумыкском, татар- ском языках; регулярно употребляется в южном и вос- точном диалектах башкирского языка; она также ха- рактерна для языка башкир Пермской, Саратовской, Самарской и Оренбургской областей [9, 16, 17].

Форма на *-макка* встречается в татарском, каракал- пакском, кумыкском, караимском, казахском, киргиз- ском, уйгурском, узбекском языках. В вышеперечис- ленных языках указанная форма с аффиксом *-макка* не выделяется в отдельную категорию инфинитива, а рас- сматривается в системе имени действия как его форма направительного падежа [18, 19].

Форма на *-мак* будучи полисемантической, кроме значений имени действия, отглагольного существи- тельного и прилагательного, в башкирском языке обла- дает значением и инфинитива. Действие, обозначаемое данным инфинитивом, носит более статичный характер и имеет большую номинативность по сравнению с фор- мой на *-ырға*, которая выражает действие в динамике:

Теге бай атайыма зур калым түләмәк булды (З. Биишева) 'Тот богач решил выплатить отцу боль- шой калым'. Как видно из вышеприведённых приме- ров, инфинитивам с показателем *-мак* характерно зна- чение намерения.

В сочетании с модальным словом *кәрәк* 'надо' ин- финитив на *-мак*, как правило, выступает в функции сказуемого: *Уға, өзлөкһөз тәтелдәп торорға яраткан кешегә, кунак өйөндә япа-яңғыз ни эшләп ултырмак кәрәк? (З. Биишева) 'Ему, человеку, любившему тарато- рить беспрепятственно, как усидеть одному в гостиной?'*

Глагольная форма на *-ыу* по своему лексическому значению и грамматическим функциям во всех тюрк- ских языках, в том числе и в башкирском языке, отно- сится к именам действия. В значении инфинитива вы- ступает только в сочетании с модальными словами *мөмкин* 'можно, возможно', *мөмкин түгел* 'невоз- можно, нельзя', *тейеш* 'должно', *тейеш түгел* 'не должно', *кәрәк* 'нужно, надо', *кәрәкмәй* 'не нужно, не надо', *ярай* 'можно', *ярамай* 'нельзя': *Ололар һүзенә лә колак һалыу кәрәк (Р. Солтангәрәев) 'Нужно при- слушиваться и к словам старших'.* – *Уның өсөн баһадир булыу кәрәкмәй, – тип оялсан ғына карыу- лашты Байрас (З. Биишева) '– Для этого не надо быть богатырём, – робко возразил Байрас'.*

Инфинитив на *-ма/-мә* по своему значению совпа- дает с формой инфинитива на *-ырға*. Тем не менее, кроме выражения цели действия, в первой преобладает оттенок намерения: *әйтмә кәрәк/әйтергә кәрәк* 'надо сказать, предупредить', *әйтмә итә/әйтергә итә* 'наме- ревается сказать, предупредить'.

Основываясь на собранном фактическом материале, из вышеназванных форм можно отметить высокую ак- тивность и продуктивность в языке инфинитива на *-ырға*, характерность форм на *-мак*, *-маға*, *-макка*, *-ыуға* в основном для разговорной речи.

Деепричастия. В существующих грамматических исследованиях как тюркских, так и других языков дее- причастие в основном характеризуется как некая гиб- ридная категория, сочетающая в себе одновременно признаки двух частей речи – глагола и наречия. Неко- торые тюркологи считают его особой разновидностью отглагольных форм или же отглагольным наречием [13, 18], т.е. фактически выводят его из системы глаго- ла. Другие сближают деепричастие с личными форма- ми глагола, считая его их заместителем [20].

Наречие обозначает в отличие от деепричастия при- знак нединамический, статичный. Причём деепричастие противопоставляется наречию и тем, что оно формально выражает соотносённость обозначаемого им признака с действием при помощи специального аффикса [1, 2].

В лексико-семантической основе деепричастия лежит значение процесса, соотносённого с его производителем. По обозначению признака именно как живого действия или состояния, соотносённого с его производителем, ме- жду деепричастием и любой личной формой глагола принципиальной разницы нет [2]. Свидетельством тому может служить невозможность личной формы глагола и деепричастия субстантивироваться или хотя бы оккази- нально употребляться в роли другой части речи.

Деепричастие с показателем -п представлено во всех тюркских языках, кроме чувашского и якутского,

и выражает семантическую сливаемость, смыкаемость обозначаемого им действия. Хотя действия и членимы, однако следует подчеркнуть ещё раз непрерывность совершения этих действий. Такое значение форма на *-n* имеет во многих тюркских языках [21–23].

Нельзя согласиться с широко распространённым среди тюркологов-грамматистов мнением, согласно которому деепричастие на *-n*, как и всякое деепричастие, не имеет значения ни времени, ни наклонения. Мы вслед за проф. А.А. Юлдашевым считаем, что хотя деепричастие само по себе и не выражает грамматических категорий наклонения и времени, оно в своём употреблении при личных формах глагола неизменно предполагает модально-временную охарактеризованность обозначаемого им действия, которая осуществляется опосредствованным путём – деепричастие выравнивается по аналогии с модально-временным планом соотносённого с ним личного глагола, однозначно выраженный его формой [2].

В современном башкирском языке форма на *-n* может быть образована далеко не от всех глагольных основ. Это вызвано тем, что выражаемые ею значения совместимы не со всяким значением глагольной основы. Несмотря на это, указанная форма отличается многозначностью и, соответственно, необычайной полифункциональностью. И с полной уверенностью можно заявить, что в этом отношении с ней не может сравниться ни одно другое тюркское деепричастие.

Самым распространённым значением формы с показателем *-n* считается выражение процессуального действия или (реже) состояния, характерного для личного глагола, в его отношении к другому глагольному действию, обозначение соотносённости этого действия с другим действием, представленным обычно в личной форме глагола (отметим, что оно составляет общий дифференциальный семантический признак всякого деепричастия): *Айгел, иртәрәк тороп, дәрәскә китте* (М. Буракаева) 'Айгуль, встав пораньше, ушла на занятия'.

Кроме вышеназванного значения, форма на *-n* обладает значением относительного времени – чаще всего предшествование, реже – одновременность совершения двух соотносённых действий: *Ә өстөнән ямғыр койоп, гел ел искән* (Р. Камал) 'А сверху лил дождь, беспрестанно дул ветер'.

Деепричастие, выражая относительное время, прерывает изложение событий в одном хронологическом временном плане. Действие, выраженное деепричастием, как и любой другой формой относительного времени, воспринимается поэтому как предварительный акт, некий фон, на котором описывается другое действие в форме абсолютного времени.

В значении образа действия деепричастие на *-n* имеет строго избирательную и в целом весьма ограниченную лексическую сочетаемость; в частности, сочетается с звукоподражательными и образными глаголами с эмоционально-экспрессивной окраской и многими глаголами чувственного восприятия: *асыуланьп каршы алды* 'встретил сердито', *шаркылдап келә* 'смеётся, (сильно) хохоча'. *Шунан улар, йәнһе, һыңдары катып, хахылдашып алдылар* (З. Биишева) 'Затем они, будто до потери чувств, похохотали'. Данное значение обычно лишает форму с аффиксом *-n* воз-

можности иметь своё собственное подлежащее, как это имеет место при всех её остальных значениях.

После значения образа действия по своей распространённости следует значение причинно-следственной обусловленности двух последовательно совершаемых действий: *Вәғзәмде оһотоп, барыһын да һөйләп ташлағанмын* (Н. Мусин) 'Забыв об обещании, взял да рассказал обо всём'.

Целевое значение более или менее последовательно обнаруживают в форме на *-n* лишь отдельные глаголы типа *эзләп*: *Без олоптан артка үзәбезең полкты эзләп киттек* (Д. Юлтый) 'Мы пошли за окопы искать свой полк'.

При употреблении с усилительной частицей *та/тә* или без неё указанная форма передаёт уступительное значение: *Кайғырып та ни эш кыра алаһың инде* (З. Биишева) 'Ничего не поделаешь, если даже (несмотря на то, что) будешь горевать'.

В сходном уступительном значении в башкирском языке выступает аналитическая форма деепричастия на *-а* *тороп*. *Сәрбиямал Йәнеште күрә тороп, күрмәмешкә һалышты* (З. Биишева) 'Сарбиямал, хотя и видела Янеш, но не подала виду'.

Форма на *-n* может выступать и в редуцированном виде, когда характеризует второстепенное действие, совершаемое одновременно с главным действием, с точки зрения его длительности и повторяемости: *Талпыһып-талпыһып күбәләк кар яуғанды ла, өйөрөлөп-өйөрөлөп буран уйнағанды ла ул бары тәҙрә аша ғына күрзе* (М. Кәрим) 'Как шёл, кружась, хлопьями снег и как мела метель, он видел только из окна'.

Аналитической конструкцией *-ып бул-* выражается потенциальная возможность реализации действия при определённых условиях: *Быт якты донъяла ла асыллы, изге күнелле, оло йөрәкле кешеләрҙе осратып була* (М. Кәрим) 'И в земной жизни можно встретить умных, добрых, благородных людей'. Отрицательная форма этой конструкции обозначает отсутствие внешних условий, благоприятствующих осуществлению действия, производимого говорящим: *Аксаһыз килеш уйлағанды тормошка ашырып булмай – бына нимәһе үкенесле* («Йәшлек» газитенән) 'Без денег невозможно превратить в жизнь задуманное – вот что досадно'.

Деепричастие с показателем *-а/-ә/-й* встречается во всех тюркских языках и имеет по отдельным языкам более десяти морфонологических вариантов. Данная форма сигнализирует о том, что действие, выражаемое деепричастием, накладывается на действие основного глагола:

В башкирском языке деепричастия на *-а/-ә/-й* могут употребляться: а) в обычной форме; б) с аффиксом *-арак/-әрәк*; в) в редуцированном виде.

Первая разновидность рассматриваемой формы, как правило, обозначает цель какого-либо другого действия и образуется от глаголов типа *озат-* 'проводить', *кун-* 'ночевать': *Өләсәймдәргә куна барам* (Ш. Янбаев) 'Иду ночевать к бабушке'. *Бына кунактарҙы ғына озата сыкты* (Н. Дәүләтшина) 'Вот вышел только проводить гостей'.

Форма на *-арак/-әрәк*, более характерная для азербайджанского, туркменского и турецкого языков, нежели для башкирского, встречается при сложных глаголах движения типа *барып ет-* 'дойти, доехать', *менеп ет-* 'подняться', *төшөп ет-* 'спуститься': *Тәүте сапкынсының*

эзен Бәләбәйгә **етәрәк** югалттык (Ә. Хәким) 'След первого гонца потеряли ближе к Белебею'.

Редуцированную форму деепричастия на *-а/-ә/-й* не допускают почти все сложные глаголы, от которых невозможно образовать форму деепричастия на *-н*. Такое ограничение сферы распространения рассматриваемой формы, как нам кажется, вызвано спецификой её значения. Эта форма характеризует выражаемое глаголом действие или состояние в его отношении к другому действию или состоянию, обозначенному последующим глаголом, как незаконченный, длительный, многоактный или повторяющийся процесс. Понятно, что не всякое действие или состояние может быть незаконченным, длительным, многоактным или кратным. Поэтому далеко не всякий глагол допускает эту форму: **бейей-бейей** арыны '(долго) плясав, устал', **йөрөй-йөрөй** йонсоно 'ходив (долго), утомился'. **Һөйләшә-һөйләшә** быллар озон үрзе менеп еткәндәрән һизмәй зә калдылар («Афизел» журналынан) 'Разговаривая, они даже не заметили, как поднялись на высокую вершину'.

Конструкциями типа деепричастие на *-а/-ә/-й* + *ал* передаётся возможность или невозможность действующего лица осуществить конкретное действие: **Ошо аркала Емеш бер касан да туйғансы йоклай алмай ине** (З. Биишева) 'Из-за этого Емеш никогда не могла выпасться вдоволь'.

Деепричастие с показателем *-ғас/-гәс*, кроме башкирского языка, представлено в узбекском, уйгурском, татарском, тувинском, крымско-татарском, сарыг-югурском и других тюркских языках [24].

Основным значением формы на *-ғас* в башкирском языке, как и в других тюркских языках, в которых она представлена, является обозначение относительного времени, а именно – непосредственного предшествования данного действия другому, которое по сравнению с первым действием является более важным, главным: – **Бына тиззән, тоғро батыр еңгәс тә, – ти атаһы, серле йылмайып** (З. Биишева) '– Вот скоро, как только верный батыр победит, – говорит (её) отец, загадочно улыбаясь'.

В отличие от других глагольных форм, связанных с выражением временной последовательности действия, эта форма обозначает предшествование как некий временной фон, на котором совершается другое действие. При этом форма на *-ғас* обозначаемое ею действие изображает именно как действие, соотнесённое со своим производителем, а не как признак другого действия с чисто характеризующим значением, т.е. обнаруживает собственно глагольную природу, характерную для личного глагола.

Действие или состояние, выражаемое ею, относится, как правило, к тому же времени, наклонению и числу, что и действие, обозначенное личной формой глагола: **Ишекте тапкас, шақырға базнат итмәй, йәнә туктап калды** (З. Биишева) 'Нашёл дверь, не решившись постучать, опять остановился'.

В отдельных случаях форма на *-ғас* имеет причинно-следственное значение: **Атайымды күргәс, һөйһөнәстән илап ебәрҙем** (Н. Мусин) 'Увидев отца, заплакал от радости'.

В данном значении деепричастие на *-ғас* регулярно выступает в отрицательном аспекте при её осложнении аффиксом *-ма/-мә*. **Үз күзәрәм менән күрмәгәс, ны-**

кышманым (Н. Дәүләтшина) 'Раз не видел собственными глазами, не стал настаивать'.

Причинно-следственное отношение выражает и аналитическая форма *-а/-ә/-й торғас*, характеризующая обозначаемое ею действие как длительный процесс, вызывающий в результате то действие, которое обозначено последующим глаголом: **Урам кызырып йөрөй торғас, көскә таптым тегене** (З. Биишева) 'Изрядно побродив по улицам, еле нашёл его (дом)'.

Данная форма может выступить в сочетании с усилительными и ограничительными частицами *та/тә* и *кына/кенә*. **Кайткас кына әйтте ул, алдан белмәй инек** (Д. Юлтый) '(Он) сказал только тогда, когда вернулся, (мы) не знали заранее'.

Отметим, что форма на *-ғас* в современном башкирском языке может быть образована от любой глагольной основы, чего лишены другие формы деепричастия.

Деепричастие с показателем *-ғансы* бытует практически во всех тюркских языках, исключая якутский и чувашский. Самое типичное и распространённое значение формы на *-ғансы* в тюркских языках – выражение ограничительных временных отношений (реже – пространственных). Она характеризует совершение данного действия как хронологический (реже – пространственный) предел, до которого совершается другое действие, выраженное последующим глаголом: **Бер аяғын алғансы икенсеген эт ашай** (Әйтем) 'Пока уберёт одну ногу, другую собака укусит (соотв. очень медлительный, неторопливый)'.

Интересно, что данную форму не допускают многие глаголы, в частности все спрягаемые глаголы со значением возможности типа **әйтеп бул** 'мочь сказать', сложные глаголы типа **бөтөп бар** (**кил**) 'кончатся', выражающие приближение конечного этапа процесса, сложные глаголы движения типа **китеп бар** 'уходить' и т.д. [2].

Нужно отметить несовместимость деепричастия на *-ғансы* с отрицательным аффиксом, что, видимо, связано со спецификой его значения.

В зависимости от контекста указанная форма имеет значение меры и степени [4]: **туйғансы аша** 'наестся вдоволь', **арығансы эшлә** 'работать до устали'; **Унан ашыкмай, матурлап, бер бит тулғансы күсереп язырға кушты** (З. Биишева) 'Затем велел не спеша, красиво, переписать целую страницу'.

Также выражает значение пространственного предела: **Өйгә еткәнсе һөйләшмәнеләр** (С. Мифтахов) 'Не разговаривали вплоть до дома'.

Форма на *-ғансы* в башкирском языке широко употребляется в целях сопоставления двух действий, из которых одно в сравнении с другим является предпочтительным. Предпочтительное действие обычно обозначается в форме императива или желательного наклонения. При этом, как правило, оба сравниваемых действия относятся к одному и тому же лицу: **Ятка ялынғансы үз кешенә өндәшеү хәйерлерәк** 'Чем умолять чужого, лучше обращаться к своим'.

Основным значением деепричастия с показателем *-ғанса* является выражение способа или образа действия с элементами сравнения: **Хатында язғанса, барыһы ла һәйбәт түгел икән шул** (Ш. Янбаев) 'Оказывается, не всё так хорошо, как написано в письме'.

Заметим, что эту форму отдельные лингвисты отождествляют с формой деепричастия на *-ғансы* [1, 13, 25], с чем мы категорически не согласны.

В башкирском языке, как и в других тюркских языках, деепричастие на *-ғанса* образуется от очень ограниченного круга глаголов, связанных в основном с речью, мышлением, желанием и т.п.: *Тыныс бул, кәйнеш. Бөтәһе лә һез теләһәнсә булыр (Һ. Дәүләтшина) 'Будь спокоен, младший деверь. Всё будет так, как вы желаете'.*

Оно редко употребляется в отрицательном аспекте в сочетании с аффиксом *-ма/-мә. Ә кешенсә кайһы бер мәсьәләләргә шулай үзенсә, көтмәһәнсә хал итеп куйған сактары ла була бит (З. Биишева) 'А ведь бывает так, когда человек решает некоторые проблемы по-своему, как-то неожиданно'.*

Чаще всего эта форма используется в качестве вводного слова или сказуемого вводного предложения: *Билдәләп утелһәнсә, эшләһәһе эштәр байтак әле (Р. Солтанғәрәев) 'Как было отмечено, незавершенных дел ещё много'.*

Как указывает В.Г. Гузев, в зависимости от потребностей практической познавательной деятельности субъект речи передаёт действия-состояния либо как нечто целое, нерасчленённое, монолитное, либо как расчленённое, дифференцированное, либо на фоне других действий, либо релятивно и т.д. [22].

Изучение деепричастий наводит на мысль о том, что их значения различаются таксисными компонентами, т.е. тем, о какой разновидности связей между действием-обстоятельством и уточняемым действием сигнализирует каждое из них.

Итак, можно констатировать, что категория неличных форм глагола, включающая в современном башкирском языке имена действия, причастия, инфинитивы, деепричастия, уступает категории наклонения (личным формам глагола) в передаче наиболее полного отражения объективной действительности, ибо ей не свойственны основные грамматические признаки предложения как предикативность и модальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958.
3. Хәзерге башкорт теле. Педагогия институтының башлангыс кластар факультеты студенттары өсөн дәрәслек // Яуаплы редакторзарты З.Ф. Ураксин, К.Ф. Ишбаев. Уфа, 1986.
4. Зәйнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология. Уфа, 2002.
5. Ибрагимов Г.Д. Имя действия в башкирском языке (функционально-семантический аспект): АКД. Уфа, 2001.
6. Боржаков А. Грамматическое и лексическое в именах действия в тюркских языках // Вопросы советской тюркологии. Ашхабад, 1988. С. 162–163.
7. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.
8. Султанбаева Х.В. Служебные части речи в современном башкирском языке. Уфа: Гилем, 2002.
9. Ишбаев К.Г. Инфинитивные формы глагола в башкирском языке: АКД. Уфа, 1975.
10. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1986.
11. Шербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Наука, 1977.
12. Севортян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 188–225.
13. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
14. Мелиев К. Имена действия в современном уйгурском языке. М., 1964.
15. Байсурина Р.И. Причастия в современном башкирском языке: АКД. Уфа, 2000.
16. Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976.
17. Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979.
18. Исхаков Ф.Г. Имя существительное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. М., 1956. С. 150–166.
19. Кутлимурадов Б.К. Имена действия в современном каракалпакском языке: АКД. Нукус, 1963.
20. Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925.
21. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Грамматические категории глагола: Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
22. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
23. Гаджихмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками): Дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 1998.
24. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные конструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2002.
25. Джанмавов Ю.Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке (сравнительно с другими тюркскими языками). М.: Наука, 1967.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 мая 2008 г.